

ДМИТРИЙ ТРОФИМОВ

Рассказы

Счастье луковое

Наряд по кухне в нашем военном училище особо обременительным не был. Главные неудобства – сыро, жарко, жирно. Однако, в отличие от караула, – без автоматов, в сытости, да и передавали наряд другой роте относительно быстро.

В курсантской столовой свой «рай» – овощной цех, и свой «ад» – посудомоечная. Начальником курсантской столовой был прапорщик Большедворов. Какой-то наблюдательный курсант произнес однажды эту фамилию без буквы «д», что более соответствовало истине и прилипло навечно.

В тот день наш первый взвод во главе с замкомвзвода Мишкой Титаренко дежурил по столовой. Напарником по «раю» мне дали кореша Леху.

– Так, сынки, – пересчитав и расписав нас пообъектно, сурово произнес Титаренко. – Чья-то мамаша нажаловалась в министерство обороны, что ее сынуля здесь недоедает. Завтра в столовой проверка, комиссия из штаба округа. Не дай Бог, я вечером найду хоть одну пылинку. Ночь будет веселой. Все металлическое должно блестеть аки зеркало, полы и посуда – скрипеть от чистоты, в общем, вы поняли.

После этой речи наши с Лехой мечты о шести часах сна растаяли как дым. А перспективы были отнюдь не радужные: до ночи перечистить тонну и два центнера картошки, плюс 50 кило морковки, надраить полы-столы-стены-шкафы-окна-двери, утром почистить и нарезать килограммов сто пятьдесят лука, помочь поварихам нарубить мясо и наделать котлет. Вдвоем. По мановению волшебной палочки «рай» стал «адам». Ночь запомнилась смутно, без деталей. Картофелечистка на последнем мешке по закону подлости сломалась, дочищали вручную. Полы перемывали раза четыре, морковь скоблили всем нарядом. На завтрак Леха натырил сахара, что как-то компенсировало пережитое.

– Я не понял, кому-то жрать много дают? – возник из ниоткуда замкомвзвод Титаренко, проще говоря, Тит. – Слышь, сынки, лук я за вас чистить буду? Метнулись в цех, и чтоб я вас не видел, особенно когда комиссия пойдет.

Не раздумывая, мы с Лехой телепортировались по указанному адресу. Поварихи уже начали жарить первые котлеты, которые призывно шкворчали на противне.

Лук нарезала машина. Засунул штук пять луковиц, сверху придавил, кнопку нажал, две секунды – готово. Радуйся со слезами на глазах. После второго десятка луковиц слезы потекли градом.

Леха задумался, почесал затылок.

– О, идея, – он многозначительно поднял вверх указательный палец и закоулками рванул из столовой в казарму. Через пять минут мы с Лехой снова принялись за работу.

Комиссия – двое генералов, полковники и иже с ними - сопровождаемая прапорщиком Большедворовым, шествовала по столовой.

– А вот здесь, товарищ генерал, – распахивая нашу дверь, начал Большедворов, – овощной...

На этом слове он повернул голову в нашу сторону и забыл закрыть рот. Перед комиссией вытянувшись в струнку стоял я. Правая рука была приложена к виску для отдания воинской чести, левая давила на ручку лукорезки. Леха распрямиться до конца не смог, так и остался в полуприседе, левой рукой придерживая разваливающийся под тяжестью бака с луком табурет, правой, как и я, отдавая честь. В стеклах надетых нами противогазов зарябило от обилия звезд и улыбок. Между полковниками ужом проскользнул Тит, и, изобразив озабоченность на лице, стал за нашими спинами.

– Товарищ генерал-майор, дежурные по овощному цеху курсанты Трофимов и Устименко, завершаем нарезку лука для приготовления обеда, – бодро и громко, чтобы было слышно сквозь маску противогаза, отпартовал я.

– Молодцы! Вот, Большедворов, учитесь смекалке, а то банку тушенки правильно списать не можете. Дежурный по столовой, доложите командиру роты, пусть хлопцам объявит увольнение, что ли, за старание и находчивость.

Тит прошипел нечто невнятное, а меня, уходя, ткнул кулаком в бок. Я обернулся: на подоконнике, источая аромат, стояла заработанная нами миска с котлетами. Тит потому и стал позади нас, чтобы перекрыть начальству обзор.

– Линда, выручай, – прибежал я в варочный цех, – Тит котлеты засек, скажи, что ваши, иначе сожрет. Сначала нас, потом котлеты...

– Латно уш, – колыхнула Линда роскошным бюстом, расправляя на нем белый халат.

Когда я вернулся, Леха уже выслушивал длинную тираду о том, какие мы уроды, дебилы и прочая всего Таллина и его окрестностей.

– Мишенка, тай наши котлетки, наферное, уже остыли, – с легким эстонским акцентом нараспев нежно промурлыкала Линда, заглядывая к нам.

– А-а-а-э-э-ы-ы, ваши, что ли? – дошло до Титаренко.

– Наши, наши, красавчик, – улыбнулась, глядя Титу в глаза, Линда.

Под этим взглядом наш суровый Миша Титаренко покраснел, как пацан.

На вечерней поверке нам с Лехой торжественно объявили одно внеочередное увольнение, в котором за наше луковое счастье мы позволили себе по стаканчику горячего вина с гвоздикой и имбирем в знаменитом таллиннском баре «Каролина».

Перетянули

Эта апрельская суббота выдалась серой и холодной, что вполне соответствовало настроению построившейся перед казармой 8-й роты. Перед строем деловито расхаживал командир, капитан Панов, и делал записи в блокнот. Курсантские лица мрачны, поскольку появление командира само по себе не предвещает ничего хорошего.

– Так. Увольняемые, выйти из строя. Готовиться к увольнению, а младший сержант Кривовязый...

– Я!!

– Кривовязый их проверяет и ведет к штабу.

– Есть!

Четыре человека направляются к казарме. Оставшиеся понимают, что до вечера их судьба незавидна, и мрачнеют еще больше. Вся рота с нетерпением ждет, когда же черти унесут Панова поступать в академию, в Москву. «Господи, только бы он поступил», – в сердцах говорит Костян, который недели две назад принес нам эту новость.

– На строительство памятника сегодня идут, идут, ага... Серкиз, Богданчиков... не забываем отвечать "я", и сразу выходим из строя... курсант Лобачев, Железный, Крыжний, Тимофеев, Трофимов и Митрофанов. 82-я учебная группа. Сержант Шайников, как обычно, ваша "бригада ух" под командой Нарышкина, и вот эти двое пьяниц – Драница с Дерманом. Вопросы есть?

– Курсант Тимофеев!

– Слушаю вас, таарисч курсант? – Панов закладывает руки за спину и с ехидным выражением лица слегка наклоняется к вопрошающему.

– А меня-то за что, я сегодня на увольнение был записан...

– А кто сегодня среди учебного дня, среди лекции, оказался в чипке и был пойман подполковником Шпаком?

– Меня за конспектомпустили... Я просто на обратном пути за куревом зашел...

– Только за куревом? Поэтому с набитым ртом не могли ответить старшему офицеру на его вопросы? Вы что, сигареты жуете? И почему опять не бриты?

– Забыл...

– Он забыл. Если хреновая память, товарищ курсант, или дырявые мозги, записывайте все в блокнот. Вот как это делаю я. Тогда и за конспектами не надо бегать, и побриты будете.

Капитан выходит на середину строя, командует, и курсанты расходятся, чтобы получить шанцевый инструмент, рукавицы, и построиться снова. Строем и с песней они отправляются на КПП, где уже идет работа с очередной затеей командира - памятником ко Дню Победы. Те, кто умеет держать мастерок и терку, штукатурят две дугообразных стенки, выложенных из кирпича, остальным достается работа попроще: бери больше, кидай дальше, пока летит – отдыхай. Рядом с одной из стенок – вертикальная металлическая конструкция, на которой должны быть закреплены лавровая ветка из металла-цифра 40 и копия ордена Победы. Весит она достаточно серьезно. А командир уже во всю руководит процессом. Энергия фонтанирует из него подобно камчатским гейзерам. Кажется, еще секунда - и запахнет сероводородом.

– Где, где мои орлы, «гераклы»? Ими будут, ага, Трофимов, Тимофеев, Митрофанов и, конечно же, Ткач! Курсант Тка-ач! Повторяю для слепых, ко мне.

Вовка Ткач, худющий парнишка из Тернополя, плюет и со злостью втыкает лопату в песок. Курсанты безучастно подходят к командиру и выслушивают задание. Вот через металлическую конструкцию перебрасываются лямки, веревки и крепятся в монтажные петли ордена, курсанты заходят с тыла и, намотав веревки на руки, начинают тянуть.

– Др-ружна взяли, равномерно тянем, йищоо взяли, – вдохновенно, с упоением командует Панов. – Ткач, Ткач. Вы что, сегодня не обедали?

– Да пошел ты, ур-род, задолбал, гад! – негромко ругается в ответ Вовка. Вены на его шее от напряжения вздулись, на лбу проступили капельки пота.

– Выше, еще выше, еще сантиметров 5-10...Куда-аа! Перетянули!

Курсанты со злости тянут так, что орден взлетает на самый верх и в таком положении замирает.

– Ну вот, – досадливо суетится Панов, – заставь дураков богу молиться...

– Нам нельзя молиться, товарищ капитан, мы будущие замполиты, к тому же атеисты. – Язвит из-за памятника Игорь Тимофеев.

В это время на крыльце КПП появляется командир батальона подполковник Шкода. Несмотря на фамилию, он являет собой образец дисциплины, строгости и соблюдения формы одежды.

– Смирно! – командует Панов, и мы послушно бросаем веревки и замираем в положении «смирно»... Не успевает Шкода сказать «вольно, продолжайте», как орден, грохоча по стеле, падает. Панов становится бледным как простыня. Он судорожно глотает воздух, не находя слов ни для доклада комбату, ни для того, чтобы отmaterить нас. Мы

злорадно улыбаемся. Орден цел, не пострадал, благо под ним песок. Голос наконец появляется...

–Товарищ подполковник! 8-я рота занимается на устройстве памятника к 40-летию Великой Победы! – бодро рапортует ротный.

– Хорошо, хорошо, – говорит комбат, – молодцы, но с орденом перетянули, на самый верх, я думаю, не надо, вот по центру, я думаю, он смотрелся бы хорошо.

– Так точно, товарищи подполковник, вот и я так думал, что по центру, – тараторит Панов, – ну-ка там, взяли, тянем. Так... еще, еще... вот, держим! Закрепить веревки.

Мы не знаем, как закрепить веревки, и продолжаем просто держать.

– Что ж, неплохо, – констатирует комбат, довольный своей идеей и её реализацией. Он уже собирается уходить, но вдруг передумывает и говорит: - Наверное, орден следует поднять чуть выше центра, на полметра где-то, ведь еще цифра, лавровая ветвь...

– Так точно, еще выше – будет лучше, – соглашается Панов. – Эй, на той стороне, тянем дружно по команде, взяли!

Орден нехотя ползет вверх. Наконец комбат довольно улыбается. В это время ворота КПП зловеще скрежещут, и напротив нас останавливается «Волга» заместителя начальника училища полковника Зарудного. Он выходит вместе с замом по тылу Поливанчуком.

– А что, товарищ Шкода, хорошо получается, – обращается он к комбату, – только вот с орденом вы перетянули малость. На первой трети – цифра 40, в центре – орден и чуть ниже – лавровая ветвь, все компактно и хорошо воспринимается глазом.

– Так точно. Панов, командуйте!

– Майна, – командует Панов, и орден ползет вниз. Несмотря на апрельскую прохладу, курсанты с веревками уже вспотели.

– Прекрасно, очень хорошо.

– Так точно, даже великолепно.

Но тут появляется «Волга» с начальником училища и начальником политотдела. Они тоже выходят посмотреть на будущий памятник. Присутствующие офицеры вытягиваются по команде «смирно» и берут под козырек.

– Вольно, вольно, – говорит начальник училища генерал-майор Гнездилов, осматривая всю конструкцию, – ну что, я надеюсь, будет выглядеть достойно. А, Кораблев? – обращается он к начальнику политотдела. – Только вот орден посередине, как вы считаете, с идейной точки зрения, хорошо?

– Я думаю, не совсем, – отвечает полковник Кораблев, – малость недотянули. Орден Победы должен быть на самом верху, как самая высшая военная награда, чуть ниже - цифра и под нею - лавровая ветвь...

– Согласен с вами, – кивает Гнездилов.

– Да!.. Так точно!.. Так даже лучше!.. Ой, что же мы сразу не догадались?! – раздается нестройный хор голосов.

– Вира, – что есть мочи кричит Панов, и орден снова ползет вверх, но как-то наперекос. – Кто там у меня обессилел? – суетится ротный. – Опять Ткач? Ткач, после ужина в канцелярию на гиревые упражнения!

Вовка стискивает зубы, матерится одними губами, по счастью на помощь подходят еще ребята, орден выравнивается и занимает нужное место. Проблема исчерпана и, кроме Панова, отцы командиры разъезжаются. Мы завершаем праведные труды и идем на ужин. После команды "отбой" измученный, но не сломленный Вовка Ткач укладывается спать раньше всех и мгновенно отрубается. Он не слышит ни звяканья ведер в коридоре, где намываются полы, ни переругивания дневальных. Ему снится сон, что он – капитан Панов – и едет в Москву, поступать в академию.

Пучинистые грунты и греческая пирамида

– Раз-два, взяли, еще взяли. Димон! Руку, больно, ы-ы-ых....

– Саня, держи, мы перехватимся!

Наше третье отделение первого взвода в количестве семи человек строит «греческую» пирамиду из камней. Полуголые крепкие тела, напряженные мышцы, пот. По закону подлости валун, венчающий сие творение, оказывается самым неудобным и тяжелым...

Солнечная майская суббота. По сложившейся в училище традиции – с обеда паркохозяйственные работы для тех, кто не попал в увольнение. Нам досталась территория возле контрольно пропускного пункта или КПП, которое, следуя расхожему определению - лицо высшего военно-образовательного учреждения.

– Это лицо наше с вами, товарищи курсанты, – назидательно сказал командир роты, построив нас для постановки боевой задачи, – а посему оно должно быть побритое, помытое, деревья на нем должны быть побелены, а вон те камни – убраны. Значит, три человека – белить деревья, косить траву – три человека, все остальные копают яму и зарывают туда валуны, которые лежат на поверхности, до последнего камешка. С лопатами на КПП я договорился.

А возле пропускного пункта симпатичные девчонки посматривают на нас и ждут встречи со своими ребятами. Нам завидно. Хочется понежиться под солнцем, поваляться на травке, хотя бы на миг забыть о военной службе.

Когда первый валун нехотя сполз в яму, от КПП раздался окрик.

– Вы чем занимаетесь? Товарищ сержант! Ко мне! – На крыльце стоял наш комбат.

Гриня, командир отделения, побежал докладывать.

Через минуту меня отправили в казарму за командиром роты. Когда мы пришли на КПП – наш взвод уже построился в две шеренги.

– Объясняю новую задачу. Камни зарывать за лесопосадкой. Здесь хороший газон, а вы его портите. Некрасиво, на зеленой траве – желтые проплешины. Ничего, что далековато, ребята вы здоровые, крепкие. Песок с травы убрать, а место проплешин заложить аккуратно новым дерном. Все, разойдись, выполнять приказ.

Командир роты и комбат, понаблюдав минут десять, как мы работаем, удалились. А еще через десять минут ворота КПП загрохотали, раздвигаясь, и показалась генеральская «волга». Когда она проезжала мимо нас, мы вытянулись по команде «смирно», а Гриня приложил руку к пилотке. Тормоза скрипнули, открылись дверцы, и из машины вышли начальник училища и начальник кафедры строительных материалов и конструкций по прозвищу «Большая парусность», каковое заработал, повторив раз пятьдесят эту фразу, объясняя, почему при ветре опасно подавать краном стеновые панели.

– Вы что херней занимаетесь?! – сурово сказал генерал, выслушав Гришкин доклад. – Комбата сюда!

– Да, товарищ генерал, – затараторил «Большая парусность», – здесь же грунты, пучинистые грунты. Поэтому они камни выдавливают, выдавливают камни, причем выдавливают камни прямо на поверхность. Закапывать их какой смысл, смысла нет, нет смысла, потому что грунты пучинистые, пучинистые грунты и нет смысла.

Через пять минут появился комбат.

– Значит так, товарищ подполковник, ваш приказ я отменяю, – рассудительно сказал начальник училища. – Зачем делать лишнюю работу?

– Так точно, товарищ генерал, незачем, – вытянулся комбат.

– Вот и я о том. Пусть камни соберут в одну кучу и уложат в красивую греческую пирамиду...

– Товарищи курсанты, задача понятна? – повернулся к нам комбат.

– Так точно! – дружно рявкнули мы в ответ.

Начальник училища с начальником кафедры сели в машину и уехали.

– Саня, – сделав серьезное лицо, спросил я друга, когда комбат отошел на безопасное расстояние, – ты все знаешь. Как греческие пирамиды выглядят?

– Именно так, как сложим мы, – философски глядя на валуны, ответил тот.

Сёстры милосердия

Октябрьское солнце последний раз печально заглянуло в окна больницы и скрылось. В небольшом холле терапевтического отделения стационара больные и медсестры смотрели полуфинал популярного шоу «Ледниковый период». Страсти на льду и среди телезрителей накалялись.

– Ой, жалко Катю Стриженову, такую травму получила, я бы ей первое место отдала.

– Нет, Навка со своим лучше катаются. Ей Путин, говорят, машину дорогую подарил.

– В Интернете было написано...

В это время дверь одной из палат открылась, и на медицинский пост, едва передвигая ноги, обутые в не раз латанные валенки, вышла сухонькая, сгорбленная старушка. У нее на лбу блестели капельки испарины, серебристо-седые волосы выбились из-под платка.

– Миленькая, детка, – обратилась она к постовой медсестре, – там соседке моей плохо, задыхается она. Может, укол, какой сделать...

Медсестры, одна постарше, другая помоложе, почти одновременно повернулись к просительнице.

– Больная, идите в палату, мы разберемся сами, у нее есть назначение врача, мы его выполняем! – строго сказала старшая. – А ты спокойнее, возле каждого не напрыгаешься, – обернулась она к младшей, когда старуха, охая, вздрагивая и пошатываясь, скрылась за дверью палаты.

– Вообще-то уже время укол делать, – посмотрела на часы младшая, всей массой поерзав на жалобно скрипнувшем стуле, – хот что тут осталось, пятнадцать минут, сильно не состарятся...

– Александровна, ты держись, тебе только восемьдесят два, – шептала в это время в палате старушка своей соседке, – рано тебе, я вон какая старая, старше тебя, а не сдаюсь. Завтра дочка твоя придет, покормит. Она у тебя одна и ты у нее – одна, вы две кровиночки родненькие. Ты прости, мне-то, видишь, даже не повернуть тебя, рука у меня сломанная была, теперь вот болит после операции.

Александровна в ответ только тяжело и хрипло дышала.

– Ты иди, Константиновна, – сипло простонала она наконец, – мне сейчас будет лучше, иди...

Ледовое шоу закончилось, и больные стали разбредаться по палатам, готовиться ко сну.

– Так, кто у нас здесь задыхается? Больная, укол делать! – с непререкаемой торжественностью вплыла в палату старушек медсестра. – Просыпайтесь, а то будете потом говорить, что за вами не смотрят, плохо относятся, грубят.

Медсестра потрясла больную за плечо раз, потом другой. Внезапно ее лицо побледнело. Она приложила пальцы к шее, к руке старухи, пытаясь нащупать пульс, повернула больную лицом вверх, послушала дыхание. Лицо Александровны было искажено предсмертной гримасой боли.

– Ну, старая с-сука, – прошипела медсестра, – не могла подождать до завтра. Вот почему обязательно всякое дерьмо – в нашу смену. Как же я от вас устала. Тань! – Крикнула она в коридор. – Помоги мне и позвони дежурному врачу.

Вскоре палата наполнилась медицинским персоналом. Врач деловито делал отметки в блокноте, давал указания. Дежурные медсестры что-то быстро писали за столом. Наконец покойницу накрыли простыней и ушли. На мгновение в палате стало очень тихо. Только на койке в углу осталась сидеть вторая ее обительница.

– Ненавидящих и обидящих нас – прости, Господи, – беззвучно шептали молитву ее губы.